

Ветеран в захолустье

Истинное назначение человека – жить, а не существовать

Джек Лондон

**Александра Федоровна Лицарева,
преподаватель ГБПОУ Колледж «Царицыно»**

«Мои года – моё богатство», – не раз я слышала эту песню по старенькому проводному радио. Бабушка сидела рядом и вязала. А когда звучали песни «Колодец-колодец, дай воды напиться», «Мы вечная память друг друга» – плакала. Сейчас у меня первая из названных песен всплывает, когда оказываюсь в доме престарелых или общаюсь в далёкой архангельской деревне с обычными тружениками, которые жалеют наше поколение и благодарны судьбе за возможность жить ради нашего будущего. А вот какое будущее получили они? Одна бабушка всю жизнь работала, получила крошечную пенсию и раз — в подарок от сельсовета — валенки. Так она ими гордилась и радовалась, будто выиграла миллион, хотя никаких заслуженных премий ей не давали. Или ещё случай из недавнего советского прошлого. Старушка, похожая на солженицынскую Матрёну, жившая на одной картошке и работавшая за трудодни, слушая радио, вздыхала: «Бедные американцы. Всё-то у них плохо. И бензин подорожал. И ввоз мяса отменили. А у нас, слава Богу, картошечка есть»...

Увы, таких, как герой моего рассказа, оставшихся без помощи родных и государства, доживающих свой век в покосившихся домиках, в глубинке немало.

В больших городах у одиноких ветеранов есть выбор, где жить. Пансионаты для ветеранов войны в Москве, где человек оказывается под присмотром специалистов, похожи по интерьеру и уровню обслуживания на дома отдыха. К моему удивлению, туда переезжают даже те ветераны, у

которых есть дети и внуки, да и живут едва ли не на соседней улице. А старики гордятся успехами родных, радуются, когда те их навещают.

Дома престарелых, именуемые также домами ветеранов, в уездных городах и посёлках, разительно отличаются от столичных. Пожилые люди сами себе готовят. Здание, комната и её наполнение тоже имеют большие отличия. Телевизор один – в холле.

Но это лучше, чем не условия, в которых не живёт, а существует одинокий ветеран из глубинки.

Павел Васильевич Гаревский родился в д. Фирсовка Онежского районана (недалеко от с. Турчасово, в котором сейчас живёт) Архангельской области в 1922 г.

В Интернете среди немногих фотографий, заданных темой «Турчасово», мне встретилась одна с названием «Два старика». Знакомая картина: на ступеньках своего дома, украшенного красной ветеранской звездой, сидит Павел Васильевич.

«Вперёд именем Московского университета», – вспомнились слова руководителя группы во время моей очередной диалектологической экспедиции, хотя стало не по себе при виде обитателя дома. Приоткрыв дверь, он спросил: «Кто вы и какими судьбами?» Когда я оказалась внутри, хозяин, переживающий, что забежавшее животное может что-то уронить, несколько раз грозно повторил: «Я почти не вижу. Но если какую-нибудь кошку или собачонку запустили, вы отправитесь сейчас же на тот свет». Топоры (наверно, для устрашения незваных гостей) лежали в комнате-коридоре под табуреткой, на которую сел Павел Васильевич. В открытую дверь было видно, что в комнатах от давности свисают клочьями обои. Дом в запустении. За его хозяином, ветераном, также никто не смотрит. Родственники его четверых братьев не так уж далеко живут, но к себе не зовут. На пыльную табуретку, стоявшую напротив его сиденья, он положил газету и предложил сесть. Потом соседи долго удивлялись, как это нелюдимый Павел Васильевич кого-то к себе впустил.

Признаться, внешний вид хозяина был таков, что в городе я бы с человеком, выглядевшим так, не стала разговаривать. Но здесь информантов оказалось меньше, чем нас. За два года только умерло 20 разговорчивых местных старушек. Да и соседи посоветовали зайти, ничего не рассказав о хозяине кроме того, что он ветеран Великой Отечественной войны. А мы уж думали, что и этот дом нежилой. В общем, назад пути не было. Дверь закрылась. Я чувствовала себя Жихаркой в жилище бабы Яги.

Дверь у хозяина обычно на запоре: любители выпить ходят выпрашивать денег, а то и попросту отобрать могут.

Кричать приходилось в оба уха Павла Васильевича подолгу, но не всегда хозяин дома понимал, о чём его спрашивают. Услышав ключевое слово («семья», «война», «детство»), он его по-своему интерпретировал и начинал рассказывать. Диалектологу безразлично, на какую тему говорит человек, если он говорит хорошо. Но армия вытравивала у местного жителя почти весь диалект. А переспрашивать оказалось невозможным по причине глухоты хозяина.

Детские фотографии и вообще все семейные альбомы сгорели в доме брата, который просил их беречь, а Павел в это время тушил соседние дома. Об этом с горечью вспомнил ветеран.

Служил Павел Васильевич в 13 отдельной бригаде внутренних войск г. Ленинграда. Под конец войны служил в Костроме. Сколько врагов было им убито – не считал. Повторял только, что «уничтожал особо важные цели» и что «снайпер на фронте сам себе хозяин». Служил сначала во взводе управления рядовым, потом был связистом, радистом, снайпером, работал в КПП.

«Врут, что один в поле не воин. Я один, а немцев человек семьсот. И как немцы драпали от «Катюши»!» После этого у меня седые волосы стали»

На войне был контужен, оглох на одно ухо. Слух на втором ухе потерял уже в мирное время. «Меня в Турчасове глухим сделали. Подкрался – крикнул в ухо. Не пойман – не вор». Кто сделал – неизвестно.

Рассказал Павел Васильевич и об обитателях леса, иногда заходящих в село.

«От медведя одно спасенье – никакого спасенья. Нужно моментально ложиться спать и затаить дыхание. Он обойдёт – повернёт и уйдёт».

«Мой дом обязательно надо сохранить для истории», – повторял ветеран, возможно, осознавая, что строение после смерти хозяина постигнет судьба других, срубленных на века, домов: ветшать. В доме Павла Васильевича появилась первая в деревне *керосинная лавка*. Электричество в деревнях Онежского района появилось в 60-е гг. XX в. А до этого даже кур не держали: зимой здесь солнце показывается на пару часов. А куры без света не несутся и лысеют.

Колодцев с питьевой водой у домов в Турчасово нет. Ходить приходится к реке. Отдавать 100 рублей за ведро принесенной воды для хозяина стало нормой. Поэтому некоторые жители деревни считают его миллионером. Одна из односельчанок Павла Васильевича, тоже пенсионерка, не раз повторила после одного из случаев (см. дальше): «Деньги-то надо было взять. Он же миллионер! Я всегда у него беру, когда воду приношу. Бьют – так беги, а дают – так бери».

Павел Васильевич попросил сходить в частный магазин, который стоит напротив его дома, купить ему компот. Сдачу с 500 рублей он отказывался брать наотрез, говоря: «Себе что-нибудь купишь». Наоборот, открыв кошелёк, он стал вынимать оттуда остальные купюры, говоря, что они последние. Мы с подружкой запикивали их назад, пока он не видит, и медленно двигались к двери. Но хозяин заметил деньги, стал вынимать их и дальше всучивать. Потом сказал, что сожжёт оставшееся. Когда мы потом рассказали о его словах Нине Ивановне Парамоновой, его односельчанке, 1929 г. р., она сказала: «Он может сжечь». Мы же пошли в магазин и, отстояв очередь, попросили продавца (она же – учительница труда) Светлану Юрьевну взять эти деньги, записать куда-нибудь и потом не брать ничего со старика при покупке. В очереди засмеялись. По разговорам я поняла, что

Павел Васильевич нечто похожее иногда устраивает. Светлана Юрьевна пояснила, что ветеран иногда отказывается брать сдачу, считая, что с него мало взяли (хотя видит плохо). Позже и при мне такое было. Тогда продавец кладёт деньги в ящик пожертвований на восстановление летней Преображенской церкви (о том, чтобы построить новую на месте сгоревшей зимней Благовещенской, без помощи меценатов не может идти и речи).

В магазине покупатели – односельчане или не обращают внимания на старика, молча уступив ему место в очереди, или отвечают на его вопросы однозначно. Старик порой спрашивает нечто запредельное для этих мест, например, не знает ли кто, где купить очки на цепочке.

Сам Павел Васильевич и в жару, и в стужу приходит в магазин в сапогах, распоротой фуфайке, шапке ушанке и с вещмешком, который после покупки просит закинуть на спину.

Юбилейные часы со звездой и надписью «1945–2010», тиканье которых хозяин всё равно не слышит, а время не видит, нужно заводить каждый день. Павел Васильевич этого сделать не может. Поэтому просит по инструкции завести ему их, чтобы не стояли. И спрашивает чуть ли не у всех в очереди, который час.

Орден Красной Звезды, который некогда был утерян, торжественно вручили ветерану в этом году.

«Вы бы посмотрели, как он живёт», — пытались местные жители завести представителя власти в дом старика. Но тот остался официальным лицом и, вручив орден и юбилейные часы перед административным зданием, совмещающим контору председателя, библиотеку, почту, медчасть и ещё что-то, поблагодарил от лица освобождённого народа и уехал.

Вот такая грустная история одного из тех, кто для нас завоевал Победу.

Фото сделаны автором статьи во время диалектологической экспедиции МГУ.

Фотография «Два старика» из Интернета. На крыльце хозяин дома Гаревский П. В.

